
Глава первая
«ЖЕЛАНИЕ ПЛАВАТЬ И СЛУЖИТЬ В МОРЕ»

Фамилия Колчак турецкого происхождения. В переводе на русский язык она означает «боевая рукавица». Соединённая со стальной пластиной, такая рукавица защищала правую руку, а левая прикрывалась щитом. Основатель рода Колчаков, Илиас-паша Колчак, был комендантом турецкой крепости Хотин. В 1739 году, когда совершился поворот в его судьбе, ему было, по-видимому, более 70 лет.

С 1736 года императрица Анна Иоанновна вела войну с турецким султаном. Начиная военные действия, русские фельдмаршалы грозились дойти до Константинополя. Но кампания разворачивалась вяло. Русские войска то брали крепости, то оставляли их. И только под конец войны, в 1739 году, были одержаны важные победы. Пройдя через польскую территорию, армия под командованием графа Х. А. Миниха вошла в Северную Молдавию и 17 августа близ деревни Ставучаны встретилась с турецкой армией. Сражение закончилось тем, что турки обратились в бегство. Бежала и часть хотинского гарнизона, участвовавшая в бою. Брошенный турецким командованием на произвол судьбы и не имевший достаточных для сопротивления сил, Хотин сдался 20 августа. Колчак-паша сначала выслал русскому фельдмаршалу ключи от города, а потом явился сам и отдал свою саблю¹.

В известной оде М. В. Ломоносова, прославляющей Анну Иоанновну, есть такие строки:

...Пред Росской дрожит Орлицей
Стесняет внутрь Хотин своих.
Но что? В стенах ли может сих
Пред сильной устоять Царицей?
Кто скоро толь тебя, Калчак,
Учит Российской вдаться власти,
Ключи вручить в подданства знак
И большей избежать напасти?
Правдивый Аннин гнев велит,
Что падших перед ней шадит².

Как видно, Ломоносов знал, что императрица милостиво обошлась с комендантом Хотина. Колчак-паша и его сын Мехмет-бей, привезённые в Петербург, разместились в специально отведённом для них дворе на Петербургской стороне, где уже жительствовавший другой пленный паша — очаковский. Вместе с Колчак-пашой были поселены и другие пленные турецкие офицеры.

Трёхбунчужный хотинский паша едва успел расположиться на новом месте, как с Турцией был заключён мир и пленные получили свободу. Однако он не стал возвращаться в Блистательную Порту, где его непременно посадили бы на кол за сдачу крепости. Не хотелось ему, видимо, оставаться и на чуждом ему Севере. А потому он уехал на Правобережную Украину, входившую тогда в состав Польши, в имение одного польского магната, с которым имел давние дружеские связи. Через несколько десятилетий, когда пашины-невозвращенца уже не было в живых, эти места оказались в пределах России. И в русских анналах вновь появляются Колчаки.

По семейным преданиям, они получили русское подданство и дворянство при императрице Елизавете Петровне, около 1745 года. Однако Р. А. Колчак оговаривается, «это, может быть, не совсем так»³. Скорее всего Колчаки оказались в России не ранее второго раздела Польши в 1793 году. И, строго говоря, не доказана родственная связь «новых» Колчаков, начиная с Лукьяна, с хотинским комендантом и его сыном. Хотя в истории очень многое «строго не доказано» и многое принимается на веру⁴.

В 1803 году, на основе Бугского полка, было образовано Бугское казачье войско, которое охраняло границу России по Днестру. В этом войске служил сотник Лукьян Колчак, получивший земельный надел в Ананьевском уезде Херсонской губернии, недалеко от Балты. У сотника было два сына — Иван и Фёдор, которые впоследствии поделили ананьевское имение. Иван Лукьянович продал свою часть, уехал в Одессу, купил дом и поступил на гражданскую службу. Фёдор Лукьянович стал военным и дослужился до полковника. На основании материалов очередной ревизии 40-х годов XIX века указом Сената от 1 мая 1843 года Колчаки были утверждены в потомственном дворянстве и внесены в родословную книгу дворян Херсонской губернии⁵.

Старшая ветвь рода, обосновавшаяся в Одессе, в свою очередь дала несколько разветвлений, ибо Иван Лукьянович стал отцом многочисленного семейства. У него было несколько дочерей (сколько — неизвестно) и три сына — Ва-

сий, Пётр и Александр. Все трое стали военными. Пётр, избравший военно-морское дело, дослужился до капитана 1-го ранга, Александр — до генерал-майора. От него пошла средняя линия Колчаков, помещиков Тамбовской губернии.

Старший сын Ивана Лукьяновича, Василий, родился 1 января 1837 года. Воспитывался в Одесской Ришельевской гимназии, где в те годы были ещё живы традиции основавших её французских эмигрантов. Хорошо знал французский язык и любил всё французское, хотя именно с французами ему вскоре пришлось воевать.

Родители, как видно, готовили его к гражданской службе. Но началась Крымская война. 30 сентября 1854 года, в 17-летнем возрасте, В. И. Колчак вступил на службу в морскую артиллерию Черноморского флота в звании кондуктора (младший офицерский чин). Ему поручили конвоировать транспорт пороха из Николаева в Севастополь. Доставив опасный груз в осаждённую крепость, юноша там и остался. Вчерашний гимназист попал в самое пекло — на Малахов курган. С 15 апреля по 27 мая 1855 года он состоял помощником командира батареи, прикрывавшей гласис — пологую насыпь впереди наружного рва, с уклоном в сторону противника. «Наблюдение за правильностью стрельбы и исправностью земляного бруствера у амбразур; снабжение каждого орудия потребным количеством снарядов и зарядов; ежедневный отчёт в убыли прислуги да требование новой и размещение её по орудиям — вот, изо дня в день, мои занятия на батарее... — вспоминал он впоследствии. — Как я остался цел, и до сих пор понять не могу». 27 мая его контузило осколком бомбы. Несколько дней пролежал в госпитале, а 5 июня вернулся на тот же гласис, теперь уже как бывалый воин.

4 августа, когда на Малаховом шли ежедневные бои, было замечено, что французы приготовили в траншее недалеко от батареи большое количество тур и фашинов. Очевидно, неприятель задумал устроить ложемент (небольшое укрепление) поближе к батарее. Командир приказал Колчаку сжечь заготовленные приспособления. Среди дня, под неприятельским огнём, сделать это было непросто. С отрядом солдат Василий Иванович перенёс две небольшие мортиры поближе к французской траншее, укрылся за земляной banquet (невысокую насыпь) и сделал несколько пристрелочных выстрелов. Одна из гранат попала аккуратно в кучу тур (больших плетёных корзин для земли), разорвалась, и огонь мгновенно разметался по всей траншее. Заклубились чёрно-синие облака дыма. Французы попытались забросать огонь землёй,

но из-за того же банкета по ним открыли огонь солдаты, вооружённые штуцерами (новейшим стрелковым оружием). Между тем в городе подумали, что пожар вспыхнул на самом Малаховом кургане. На место прибыл начальник штаба князь В. И. Васильчиков. Узнав, в чём дело, он вызвал Колчака и собственноручно повесил ему на грудь знак отличия Военного ордена (солдатский «Георгий»).

Севастополь держался, пока держался Малахов курган. 27 августа, во время последнего штурма, В. И. Колчак был ранен и взят в плен. Над курганом взвилось французское знамя. 28 августа 1855 года русские войска оставили Севастополь.

Вместе с другими пленными В. И. Колчак был отправлен на Принцезы острова в Мраморное море. В октябре того же года, ещё во время плена, его произвели в прапорщики. В марте 1856 года Крымская война закончилась и молодой офицер вернулся на родину.

В ноябре 1898 года в Севастополе проходили торжества по случаю открытия памятника П. С. Нахимову. Было приглашено много участников легендарной обороны, в том числе Василий Иванович. Он вновь увидел знакомые очертания севастопольских бухт, Малахов курган, когда-то залитый кровью и заваленный телами, а теперь покрытый зеленью, всмотрелся в лица боевых товарищей, в его душе вспыхнуло, как вчерашний день, всё далёкое былое — и по возвращении домой он засел за книгу воспоминаний. Живо и интересно написанная, она вышла в 1904 году, к 50-летию начала севастопольской обороны⁶. В это время уже шла осада Порт-Артура.

После Крымской войны Василий Иванович окончил двухгодичный курс в Институте корпуса горных инженеров и был командирован для практики в уральский город Златоуст.

Дальнейшая судьба В. И. Колчака связана с Обуховским сталелитейным заводом — с самого начала работы этого предприятия в 1863 году. Время от времени печатались небольшие брошюры Колчака о сталелитейном производстве, а в 1903 году вышла его объёмистая книга (384 страницы и 49 чертежей) по истории Обуховского завода. В вводной части повествовалось о состоянии судовой артиллерии в России и за границей накануне Крымской войны. Затем освещалась история завода, начиная с 1861 года, когда предприниматель Н. И. Путилов, получив от полковника П. М. Обухова право на изготовление стали по его способу, купил участок земли на берегу Невы за городской заставой, получил от Морского министерства заказ на нарезные орудия для кораблей и раз-

вернул производство. В 80-е годы завод перешёл в Морское ведомство. В конце книги сообщалось, что в настоящее время на заводе трудится около четырех тысяч рабочих и инженеров. К числу заводских строений принадлежат каменная церковь и больница на 36 кроватей в общей палате и шесть в отдельных комнатах. Морское ведомство приобрело две десятины земли и построило на ней жильё для рабочих и служащих. При заводе открыты библиотека для инженеров и техников, читальня для рабочих, школа для их детей с вечерними классами и воскресными чтениями для взрослых. Составлены хор певчих и оркестр из рабочих. Их силами устраиваются спектакли и концерты, в заводском саду по воскресеньям играет музыка, а зимой заливается каток⁷.

В нашем распоряжении имеется послужной список В. И. Колчака, датированный 19 марта 1888 года. Во время его составления Василий Иванович, в чине подполковника, состоял в комиссии, «учреждённой в С.-Петербурге для приёма на флот орудий и снарядов». В том же документе, в графе с вопросом «Есть ли за ним, за родителями его или, когда женат, за женою недвижимое имущество, родовое или благоприобретённое», стоит краткий ответ: «Не имею»⁸.

Как настоящий одессит, В. И. Колчак был чужд многих дворянских предрассудков. Жёну выбрал не из дворян и тоже одесситку. Ольга Ильинична Посохова была дочерью потомственного почётного гражданина. В это состояние обычно приписывали людей с образованием, но без дворянства. Вообще же семья Посоховых вышла из донских казаков. Ольга Ильинична была моложе Василия Ивановича на 18 лет. Отличалась набожностью, спокойным, тихим и строгим характером. Они поженились, как видно, в начале 70-х годов и поселились близ Обуховского завода, в селе Александровском. В 1874 году у них родился сын Александр, а на следующий год дочь Екатерина. Ещё одна дочь, Любовь, умерла в детстве.

Василий Иванович медленно рос в чинах. Генерала получил вместе с отставкой в 1889 году. После этого он ещё 15 лет работал на заводе, заведая пудлинго-прокатной мастерской. По семейным воспоминаниям, Василий Иванович был человек сдержанный, с изысканными манерами и ироничным складом ума⁹.

Судя по портретам, Василий Иванович был мало похож на своего сына. Он был полнее и «круглей». В лице не было той резкости, которая стала характерной для сына, когда он достиг зрелого возраста. И всё же, несмотря на пропуски в родословной, что-то турецкое угадывается в облике от-

ца и сына. Если сын был более похож на турка-воина, то отец на турка-администратора, турка-мудреца. Так что фамилия с тюркскими корнями всё же напомнила о себе.

* * *

Ещё один документ, на этот раз полностью:

Свидетельство

По указу Его Императорского Величества от С.-Петербургской духовной консистории дано сие свидетельство о том, что в метрической 1874 года книге Троицкой церкви с. Александровского С.-Петербургского уезда под № 50 показано: Морской Артиллерии у штабс-капитана Василия Иванова Колчак и законной жены его Ольги Ильиной, обоих православных и первобрачных, сын Александр родился 4-го ноября, а крещён 15 декабря 1874 года. Восприемниками его были: штабс-капитан морской Александр Иванов Колчак и вдова коллежского секретаря Дарья Филипповна Иванова¹⁰.

Крёстным отцом будущего верховного правителя был его дядя, младший брат отца, а крёстная — лицо неизвестное.

В тот день поздней осени, когда родился Александр Васильевич Колчак, Солнце находится в созвездии Скорпиона.

Скорпион — одно из самых красивых и интересных зодиакальных созвездий. Только частью оно видимо в наших широтах. Оно восходит на небосвод, когда заходит Орион. Созвездие Скорпиона связано со многими мифами о чудовище, погубившем героя. Сердце Скорпиона — огненно-красная звезда 1-й величины Антарес. В древности она считалась вещей звездой. На точку восхода Антареса ориентированы знаменитые древнегреческие храмы Зевса на острове Эгина и Аполлона в Дельфах. В 1860 году в созвездии Скорпиона на несколько дней вспыхнула «новая» звезда 7-й величины. Вообще же Скорпион и соседний с ним Стрелец обильны «новыми» звёздами.

Астрология — удивительный свод наблюдений. Официального статуса науки она не имеет, ибо никто не может экспериментально доказать влияние на человеческую жизнь течения по небосклону далёких светил. И всё же астрология в состоянии помочь человеку понять самого себя, своих близких. И не обязательно близких по времени и пространству людей, но по духу, по обращённым к ним мыслям. Не следует отбрасывать знания, построенные на интуиции. Напрасно историки не используют астрологию, хотя бы как литературный приём, для характеристики своих героев и внутреннего их мира.

Астрологи относят Скорпиона к знакам воды. Однако в

отличие от Рыб, предпочитающих уплыть от опасности, от Рака, склонного к глухой обороне, Скорпион всегда готов принять бой, пасть или победить. «Всё или ничего» — девиз Скорпиона. Страстный, импульсивный, раздражительный и обидчивый, Скорпион смотрит на жизнь как на цепь сражений. После поражения быстро восстанавливается и вновь начинает бой. У Скорпионов трудный характер, но они хорошие и верные друзья. Они честны и порядочны.

Судьба Скорпиона во многом зависит от жизненных обстоятельств. Если они благоприятны, он идёт от успеха к успеху. Но полоса неудач может растянуться на всю жизнь и закончиться трагически. Антарес может предвещать насильственную смерть. Но и в этом, самом крайнем случае Скорпион, как ни странно, не будет побеждён. Показав миру недюжинную отвагу и мужество, он переходит в область легенд. А это для Скорпиона родная стихия.

Таинственное и неизвестное влечёт Скорпиона, как магнит. Неведомые земли, неизученные области науки, сокровенные уголки человеческой психики, глубины древней философии, непередаваемые откровения мистики — во все эти области Скорпион может совершить смелые и опасные путешествия. Это могут быть путешествия как в прямом смысле слова, так и воображаемые, умственные, в рабочем кабинете. Во втором случае их успех зависит во многом от того, насколько обеспечена спокойная обстановка жизни и труда. В своей профессии Скорпион отличается упорством и настойчивостью, выдержкой и выносливостью, терпением и методичностью.

Скорпион многосторонне талантлив. Он может найти своё призвание в мире искусств и художеств, в области наук, прежде всего физико-математических, на государственной службе, в политике и военном деле. И особенно в мореплавании.

Многие выдающиеся люди рождены под знаком Скорпиона: государственные деятели и политики (Жорж Дантон, Чан Кайши, Индира Ганди), военные (бургундский герцог Карл Смелый, наполеоновский маршал Жак Макдональд, немецкий фельдмаршал Альберт Кессельринг), учёные (русский энциклопедист Михаил Ломоносов, математик и философ Жан Д'Аламбер, астроном Вильям Гершель, открывший Уран), философы и религиозные проповедники (Мартин Лютер, Вольтер), писатели и поэты (Фридрих Шиллер и Фёдор Достоевский), художники (Василий Верещагин), музыканты (Никколо Паганини, Александр Бородин, Имре Кальман), шахматисты (Александр Алёхин, Ми-

хаил Таль) и, наконец, мореплаватели: Джеймс Кук, Иван Крузенштерн, Михаил Лазарев, Нильс Норденшельд¹¹.

Несмотря на общие представления о крайней воинственности Скорпиона, череда военных в приведённом списке выглядит не очень убедительно. Самый же блистательный ряд дали учёные, музыканты и, конечно же, мореплаватели.

* * *

«О детстве великих людей мы знаем до обидного мало, — писал Арсений Гулыга, известный мастер биографического жанра, — ведь никто не думает, что именно из этого ребёнка выйдет что-то путное, никто не собирает свидетельства его духовного роста»¹². Особые трудности возникают, если великий человек не оставил воспоминаний.

Александр Васильевич Колчак оставил воспоминания, правда, в довольно своеобразной форме. Это его восьмидневный допрос в Иркутске в январе-феврале 1920 года. Однако о раннем его детстве из этого документа можно почерпнуть лишь самые краткие сведения. «Я православный, — говорил Колчак, — до времени поступления в школу я получил семейное воспитание под руководством отца и матери»¹³. Религиозное воспитание, по-видимому, исходило больше от матери, которая часто водила детей в церковь недалеко от завода. Политикой она не интересовалась. А Василий Иванович придерживался очень консервативных взглядов в политике. На его мировоззрение неизгладимый отпечаток наложило николаевское царствование.

30 апреля 1885 года Василий Иванович написал прошение на имя директора 6-й Петербургской классической гимназии:

«Желая, чтобы сын мой Александр был подвергнут испытанию наравне и в одно время с учениками во вверенном Вам учебном заведении, ...покорнейше прошу о том распоряжения Вашего, причём имею честь сообщить, что он подготавливался к поступлению в 1-й класс и до сего времени обучался дома. При сём прилагаю метрическое свидетельство... свидетельство о привитии оспы и 10 руб. в пользу экзаменаторов».

Чтобы поступить в первый класс (а не в подготовительный), нужно было сдать экзамен, за который взималась плата. На том же документе стоит помета за чьей-то подписью: «Деньги 10 р. получил»¹⁴.

Родителям свойственно направлять детей по пройденной ими самими тропе. Мы помним, что и Василий Иванович

свой жизненный путь начинал с гимназии. Остаётся лишь гадать, хотел ли он, чтобы его сын стал военным. Чтобы стать офицером, надо было идти в юнкерское или морское училище, инженером — в реальное. Гимназия же предполагала занятия науками или службу по гражданскому ведомству.

26 июля того же года Василий Иванович написал на имя директора гимназии новое прошение:

«Желая дать образование сыну моему Александру Колчак во вверенном Вам учебном заведении, имею честь просить распоряжения Вашего о том, чтобы он был помещён в I классе, в который выдержал экзамен в мае месяце с. г. При этом желаю, чтобы сын мой... обучался в назначенных для того классах обоим новым иностранным языкам, буде окажет достаточные успехи в обязательных для всех предметах, в противном же случае французскому языку и кроме того рисованию за особую установленную по сему предмету плату...»¹⁵

Из всех петербургских гимназий Шестая была, наверно, самой демократичной по составу учащихся. Маленький народ, собравшийся в одном классе с юным Колчаком, представлял все основные классы и сословия тогдашней России: крестьянство, мещанство, купечество и предпринимателей, дворянство. Около трети были сыновьями чиновников, преимущественно мелких. Офицеры, чьи дети учились в этом классе, тоже были в небольших чинах. Александр Колчак, сын подполковника, и Вячеслав Менжинский, сын статского советника, будущий чекист, составляли как бы «сливки общества» — важнее ни у кого отцов не было. Один из лучших учеников в классе был потомком дворового мужика.

Кстати говоря, успеваемость у гимназистов была явно не на высоте. Общество было настроено против классического образования, гимназисты об этом знали, учиться не хотели, учителя же оценок не «натягивали», за уши никого не тащили, а потому около трети класса оставалось на второй год. К сожалению, не блистали в этом отношении и «сливки общества». У Колчака в табели успеваемости за 2-й класс (1886/87 учебный год) оценкой в 5 баллов отмечено только поведение, да и то за первое полугодие, а затем по поведению появились четвёрки. Относительно успешно шло постижение Закона Божия и географии: здесь тройки перемежались с четвёрками, а за год выведены были четвёрки. Хуже всего обстояло дело с немецким и французским языками, по которым Колчак получал в четвертях тройки, тройки с минусом и двойки. Письменный переходной экзамен Колчак едва ли не провалил: двойка по русскому языку,

тройка с минусом по латинскому, тройка по математике, тройка с минусом по немецкому и двойка по французскому. По русскому и французскому языкам назначены были устные испытания, на которых получены были тройки, и окончательный балл по обоим предметам определили как три с минусом. Педагогический совет принял решение о переводе в следующий класс.

Плохая успеваемость, возможно, отчасти объяснялась дальностью гимназии от места жительства. Она находилась на Фонтанке, вблизи нынешней площади Ломоносова. Пансиона не имела. А у Колчаков, людей небогатых, вряд ли был собственный выезд. Можно предположить, что именно из-за дальности расстояния Колчак пропускал много уроков: только в 1-й четверти 2-го класса — 66, все по уважительным причинам. Потом, правда, это количество сократилось, но отметки лучше не стали.

Вячеслав Менжинский, тихий и застенчивый мальчик с большими ушами, тоже не радовал родителей своими успехами. По русскому языку и Закону Божьему его отметки были немного лучше, чем у Колчака, по остальным предметам примерно такими же. В первом классе Менжинский оставался на второй год¹⁶.

Колчак проучился в гимназии ещё один год. По-видимому, не привлекала его гимназия, не заинтересовали преподававшиеся в ней предметы. Он мечтал о другом, и не случайно оценки по географии были выше прочих. В 1888 году, «по собственному желанию и по желанию отца», как сказано в стенограмме допроса, он поступил в Морское училище¹⁷.

* * *

15 декабря 1752 года указом императрицы Елизаветы Петровны был основан Морской шляхетский кадетский корпус. С его учреждением упразднилась Московская школа, или Академия в Сухаревой башне.

Морской корпус разместился в Петербурге на Васильевском острове, в двухэтажном дворце, ранее принадлежавшем Миниху. Фельдмаршал, пленивший Колчак-пашу, впал в немилость и коротал свои дни в далёком Пелыме.

В 1766 году окончил Морской корпус и был произведён «в мичмана» (как говорят и пишут моряки) капрал Фёдор Ушаков, знаменитый флотоводец времён Екатерины II. В числе выпускников 1788 года были Иван Крузенштерн и Юрий Лисянский, в 1803—1806 годах руководившие первой русской кругосветной экспедицией. Впоследствии И. Ф. Крузенштерн

был назначен на должность директора Морского корпуса и долгие годы его возглавлял.

В 1808 году из корпуса вышел М. П. Лазарев, в 1818-м — П. С. Нахимов, в 1825-м — В. А. Корнилов. За немногими исключениями, весь цвет русского военного флота был возвращён в этих стенах. В разные времена ежегодный выпуск составлял 40—60 человек. В среде русского дворянства появились родовые кланы с давними морскими традициями. Выходцы из этих семей из поколения в поколение учились в Морском корпусе: Невельские, Тимирёвы, Лермонтовы, Веселаго, князя Ширинские-Шихматовы, Головинны, Куроедовы, Врангели и др.¹⁸ «Моряки старинных фамилий, влюблённые в далёкие горизонты», — писал о них Михаил Кузмин, поэт русского Серебряного века.

В 1867 году Морской корпус был переименован в Морское училище. Оно стало более доступным для выходцев из других сословий. Однако в 1891 году, уже при Колчаке, училище вновь стало называться Морским кадетским корпусом.

В корпусе многое было сделано для того, чтобы кадеты приобщались к традициям этого старого и заслуженного учебного заведения, к традициям русского флота. В корпусной церкви на стенах были установлены чёрные мраморные доски с именами воспитанников, павших в сражениях. Кадет Колчак мог видеть 17 таких досок. На последней из них были написаны имена офицеров, погибших в Русско-турецкой войне 1877—1878 годов. На серых мраморных досках были высечены имена выпускников, погибших при кораблекрушениях и исполнении служебного долга. На мраморных досках в здании самого училища золотыми буквами записывались имена тех, кто был первым в своём выпуске.

В Морское училище принимались мальчики в возрасте 12—14 лет. Курс обучения был шестилетний. За это время воспитанники завершали среднее образование и получали высшее военно-морское. По окончании пятого года обучения кадеты производились в гардемарины. В строевом отношении воспитанники училища составляли батальон, а каждый курс — роту. В училище было пять кадетских рот и одна гардемаринская¹⁹.

Воспитанники находились на полном казённом содержании, жили в самом корпусе (училище). По воскресеньям в отпуск увольняли только тех, у кого в Петербурге были родители. Ещё со времён Крузенштерна сложился довольно жёсткий распорядок дня: в 6 часов 30 минут побудка, затем гимнастика и утренний чай, в 8 часов первый урок. Каждый день было три урока, по полтора часа. Строевые учения —

тоже полтора часа. Свободного времени полагалось три часа в день. После вечернего чая желающие могли идти ко сну, а с 11 часов все должны были спать²⁰.

Долгие годы училище возглавлял контр-адмирал А. П. Епанчин, продолжавший крузенштерновские традиции. В 1882 году его сменил контр-адмирал Д. С. Арсеньев, слывший «паркетным адмиралом». Он был участником нескольких военно-дипломатических миссий, а затем многие годы служил воспитателем при великих князьях Сергее и Павле Александровичах. Новый начальник первым делом, во избежание «дурных влияний», ограничил отпуск воспитанников в город. Затем он обратил внимание на то, что их головы слишком забиты морскими науками, что они в большинстве своём слабо разбираются во всём, что выходит за эти рамки. Они неотёсанные увальни, не умеют вести себя в обществе, особенно дамском. Адмирал же был убеждён, что морской офицер должен уметь показать себя не только в бою, но и в свете.

С приходом Арсеньева в старших классах стали преподавать высшую географию и статистику, русский язык, литературу и Закон Божий. В первой (старшей кадетской) роте ввели внеклассные лекции по русской истории, а в гардемаринской — по всеобщей. В училище приглашались известные учёные для чтения популярных лекций. Так, например, в конце 1889-го — начале 1890 года профессор Петербургского университета С. П. Глазенап прочитал цикл лекций по астрономии²¹.

Воспитанники неодинаково относились к этим новшествам, которые ломали принятое в училище расписание, сокращая свободное время и время, отведённое на приготовление уроков. Конечно, в эти часы многие воспитанники били баклуши, но наиболее развитые занимались по собственной программе. Некоторые интересовались историей, особенно военно-морской, читали описания плаваний и путешествий. Другие знакомились с новинками литературы. Третьи строили модели кораблей. Теперь, когда свободного времени стало меньше, многое из этого пришлось оставить.

Чтобы обучить кадет хорошим манерам, Арсеньев ввёл уроки танцев. Однажды он сам явился на такой урок. По ходу объяснений понадобилось показать, как держать даму в вальсе. Адмирал вызвал одного из воспитанников и, подхваченный набегающими волнами музыки, забыв обо всём на свете, закружился с ним, красным от смущения, в пленительном и томном танце. Несмотря на неуклюжесть партнёра, начальник училища показал высший класс. Только вос-

питанники опять же начали сомневаться и спорить между собой: адмиральское ли дело танцы?²²

На разных курсах в Морском училище всегда было много родственников — родных, двоюродных, троюродных братьев, племянников. Однажды колчаковский однокурсник Георгий Гадд явился к врачу с высокой температурой, а тот его выгнал, даже не выслушав: ты почти каждый день ко мне ходишь! Лекарь был новый и не знал, что в училище состояли четверо или пятеро Гаддов, к тому же достаточно друг на друга похожих. Родственные связи, конечно же, помогали самым юным воспитанникам освоиться в незнакомой обстановке.

Александр Фёдорович Колчак (первый из Колчаков в Морском училище, впоследствии адмирал) был выпущен в 1878 году. Так что у его двоюродного племянника не было в училище никого, кто мог бы прийти на помощь, кто связывал бы с оставленным миром семьи и детства. Преодолеть одиночество, особенно острое в первый год, Колчаку помогала дружба с одним из однокурсников. Такой дружеской близости у Колчака за всю жизнь, наверно, больше ни с кем не было, и недаром даже на допросе, за несколько дней до гибели, он вспомнил о нём, не называя по имени: «...Шёл я всё время первым или вторым в своём выпуске, меняясь со своим товарищем, с которым поступил в Корпус...»²³

Этот друг юности Колчака — Дмитрий Филиппов, самый младший из шестерых детей вдовы губернского секретаря, харьковской помещицы. Из слов Колчака можно понять, что они познакомились ещё до поступления в училище. Скорее всего, так и было, ибо вдова имела жительство в здании Обуховской больницы²⁴.

В Морском корпусе (училище) Колчак сильно переменялся. По-видимому, начал взрослеть, появилось чувство ответственности, да и сама учёба стала осмысленным делом: ведь он учился там, где хотел, и тому, чему хотел. Они с Филипповым действительно выделялись на курсе своими успехами.

В 1944 году в нью-йоркском журнале «Морские записки» была опубликована статья «Выпуск Колчака». Её автор, контр-адмирал и известный в эмиграции писатель-маринист Дмитрий Никитин (псевдоним — Фокагитов), закончил Морской корпус на три года раньше Колчака, которого, несомненно, знал. Брат его Андрей, скончавшийся в 1944 году, учился вместе с Колчаком. И в упомянутой статье рассказ временами ведётся как бы от имени покойного брата (и скорее всего с его слов). К такому приёму вряд ли решился бы прибегнуть мемуарист, далёкий от литературы; профес-

сиональному писателю это не казалось чем-то необычным или недопустимым. Вот этот рассказ.

«В третьей роте корпуса идёт вечернее приготовление уроков. Ярко горят керосиновые лампы, и за своими конторками, уставленными вдоль длинной комнаты... сидят кадеты и зубрят. Среди лёгкого, как шелест листьев, шума, неизбежного, когда несколько десятков людей занимаются наукой, до меня доносится чей-то негромкий, но необыкновенно отчётливо произносящий каждое слово, как бы отпечатывающий каждый отдельный слог голос: “Прежде всего ты должен найти в пятой таблице величину косинуса...”

Кадет среднего роста, стройный худощавый брюнет с необычным, южным типом лица и орлиным носом поучает подошедшего к нему высокого и плотного кадета. Тот смотрит на своего ментора с упованием... Ментор этот, один из первых кадет по классу, был как бы постоянной справочной книгой для его менее преуспевающих товарищей. Если что-нибудь было непонятно в математической задаче, выход один: “Надо Колчака спросить”...

Моя конторка в нескольких шагах от Колчака. Я смотрю на него и думаю: “Где я видал раньше подобное лицо, аскета с горбатым носом и горящими пламенем фанатизма глазами?” И вдруг вспомнил: это было на картинке, где был изображён Савонарола, произносящий одну из своих знаменитых речей»²⁵. Автор не без оснований указал на портретное сходство между Колчаком и знаменитым флорентийским проповедником, казнённым в 1498 году.

Кроме учёбы, воспитанники любого учебного заведения, а военного тем паче, оцениваются ещё с одной стороны — по поведению. И в этом отношении Колчак и Филиппов имели разные показатели.

Кадеты и гардемарины не всегда вели себя безупречно. Случалось, они разговаривали, пересмеивались и шалили в строю и на занятиях, спали после побудки, курили в ватерклозете, дерзко отвечали на замечания офицеров, писали на стенах нехорошие слова, а во время плавания оставляли вахту, ни у кого не спросясь, не выходили на аврал (особенно ночью), возвращались из города пьяными. И за всё это сидели под арестом. Каждый такой случай заносился в кондуитный журнал. Похождения некоторых личностей в этом журнале занимают несколько страниц. У других единственная страница так и осталась пустой.

За шесть лет учёбы у Колчака появилось четыре записи в кондуитном журнале. 10 сентября 1890 года он не сразу встал, когда вошёл начальник корпуса. Строгий арест на

трое суток был наложен самим Арсеньевым. 22 февраля 1891 года Колчак опоздал в класс на 10 минут. 17 декабря того же года он громко разговаривал в спальне (наверно, с кем-то спорил) и не обратил внимания на замечание дежурного офицера — получил строгий выговор. А 29 мая 1892 года, почти в 18-летнем возрасте, вдруг расшалился во время занятий и был оставлен без обеда. Деятельность Филиппова описана в журнале гораздо подробней. Он часто шалил, как видно, ещё был и любителем поспать, а потому неоднократно опаздывал на утреннюю гимнастику²⁶. Мальчик, видимо, был сибаритом и тем напоминал покойного отца, который не закончил университета, остался в малых чинах и преуспел только в создании большого семейства. Так что друзья были очень не похожи.

По окончании зимних занятий, после небольшого отпуска, все воспитанники, за исключением самых младших, отправлялись в плавание. Училище имело целую эскадру: фрегат «Князь Пожарский», корветы «Скобелев», «Боярин», «Баян» и миноноску № 47. Правда, такая эскадра мало кого могла устроить. «Князь Пожарский», парусник с паровым двигателем, был спущен на воду ещё в 1867 году. Деревянный корвет «Боярин» был чистым парусником.

Колчак впервые вышел в море в 1890 году. 12 мая воспитанники прибыли в Кронштадт. Младших определили на «Князь Пожарский». На этом корабле поднял свой флаг командующий эскадрой контр-адмирал Ф. А. Геркен. (Вместе с Колчаком учился его сын Алексей, не отличавшийся успехами.) Кадетам, первый раз участвовавшим в плавании, ставилась задача: ознакомиться с жизнью и службой на корабле, получить общие сведения по морскому делу. Особое внимание обращалось на то, чтобы научить водить шлюпку под парусами. Это должно было развить глазомер, находчивость и отвагу.

Кадет, явившихся на борт корабля, встретил его командир, капитан 1-го ранга В. П. Мессер. Это был настоящий морской волк. Суть его приветственной речи можно было изложить в нескольких словах: все должны хорошо учиться, а кто не захочет, того я заставлю. Но командир по старой морской привычке украсил свою речь такими выразительными оборотами, которые многие кадеты слышали первый раз в жизни. Это было тем более в диковинку, что в корпусе офицеры изъяснялись с воспитанниками всегда подчёркнуто корректно²⁷. Но на море свой язык — это кадеты сразу поняли.

Эскадра посетила Бьорк (ныне Приморск), Гельсингфорс (Хельсинки), Ревель (Таллин). Младшие воспитанники уси-

ленно занимались на шлюпках. В конце июля состоялись общие для всех рот гребные и парусные гонки. Затем было произведено десантное учение. 6 августа отряд вернулся в Кронштадт.

Вряд ли первое плавание оставило у юного Колчака приятные воспоминания. Лето на Балтике выдалось холодным. Шли дожди, штормило. На «Князе Пожарском» во время спуска шлюпки одному из воспитанников канатом перебило четыре пальца. Другой воспитанник был уличён в воровстве — его тотчас же списали с фрегата, а потом исключили из училища.

Главное же, Колчак воочию увидел, с каким тяжёлым, изнурительным трудом связано морское дело. Даже адмирал Геркен в своём отчёте отмечал, что юноши подвергаются почти непосильной нагрузке. «Программы летних занятий воспитанников настолько обширны, — писал он, — что положительно воспитанники заняты по разным отраслям целый день и не имеют времени для отдыха. Такие усиленные занятия, не думаю, чтобы были полезны, беря во внимание то, что в продолжение зимы воспитанники тоже усиленно занимаются и от зимних занятий до кампании имеют отдыха не более 10—12 дней, а затем после кампании до зимних занятий их отпуск простирается не более 20 дней». Командующий также сообщал, что ежедневная одежда кадет и гардемарин, состоящая из фланелевых рубаш и суконных брюк, так износилась, что её приходится чинить каждый день. В таком же виде и их сапоги²⁸.

Наряду с этим воспитанники не могли не заметить, в каком приниженном положении находились матросы. С. С. Фабрицкий, товарищ Колчака по Морскому корпусу, вспоминал, что во флоте в те времена «царила ещё жестокость в обращении с подчинёнными, процветали линьки и рукоприкладство и шла непрерывная, виртуозная ругань»²⁹.

Морская служба сразу же повернулась к Колчаку своей суровой, будничной стороной. Но юноша проявил характер и выстоял, воспринимая хорошее и, как увидим далее, не воспринимая плохое.

Едва началась следующая морская кампания, 1891 года, как адмирал Геркен получил телеграмму от полковника Колчака: «Вследствие тяжкой болезни моей жены прошу разрешить отпуск моему сыну на три недели». Командующий наложил резолюцию: «Уволить на 4 дня». Василий Иванович похлопотал в министерстве, и сыну увеличили отпуск до семи дней. Свидание с сыном, видимо, помогло Ольге Ильиничне. Но с этого года она начала болеть. 28 июня мо-

лодой Колчак прибыл в порт Ганге (Ханко) в Финляндии и присоединился к эскадре. 27 июля он участвовал в гребной гонке (старшина Стеценко, гребцы Никитин, Зенилов, Михайлов, Лосев, Колчак, Кузнецов)³⁰.

Как рассказывал брат одного из этих гребцов, упоминавшийся выше Д. В. Никитин, в роте, где состоял Колчак, числился и великий князь Алексей Михайлович, самый младший из шестерых сыновей Михаила Николаевича, брата Александра II. Он участвовал в двух или трёх плаваниях, но в последнем сильно простудился, заболел и больше уже не бывал ни в корпусе, ни в плаваниях³¹.

Учебная программа Морского корпуса предусматривала однодневную экскурсию гардемарин на Обуховский сталелитейный завод для ознакомления «с последовательными процессами полной фабрикации орудий... а также и с приготовлением стали»³². Колчак бывал у отца на заводе много раз, а во время каникул, наверно, и ежедневно. «Пребывание на заводе, — рассказывал он впоследствии, — дало мне массу технических знаний: по артиллерийскому делу, по минному делу...» Одно время Колчак увлёкся мыслью досконально изучить заводское производство. Начал с самых азов — со слесарного дела, которому его обучали обуховские рабочие. Знакомство с ними пробудило у юноши интерес к социальным вопросам. По-видимому, он успел даже что-то прочитать на эту тему. Но возобновились занятия в корпусе, и все прочие дела пришлось оставить.

Известный английский изобретатель и пушечный король Уильям Джордж Армстронг, приезжавший на Обуховский завод, предложил молодому Колчаку поехать в Англию, пройти школу на его заводах и стать инженером. «Но желание плавать и служить в море превозмогло идею сделаться инженером и техником», — вспоминал Колчак³³.

Когда он перешёл в гардемаринский класс, его произвели в фельдфебели (одного из немногих на курсе) и назначили наставником в младшую роту. Среди вверенных его попечению кадет был Михаил Смирнов, оказавшийся рядом с Колчаком в последние годы его жизни. В воспоминаниях Смирнова очерчен ещё один ранний его портрет: «Колчак, молодой человек невысокого роста, со сосредоточенным взглядом живых и выразительных глаз, глубоким грудным голосом, образностью прекрасной русской речи, серьёзностью мыслей и поступков внушал нам, мальчикам, глубокое к себе уважение. Мы чувствовали в нём моральную силу, которой невозможно не повиноваться, чувствовали, что это тот человек, за которым надо беспрекословно следовать. Ни

один офицер-воспитатель, ни один преподаватель корпуса не внушал нам такого чувства превосходства, как гардемарин Колчак»³⁴. (Психологи, наверно, заметили, что подростки обычно находят объект восхищения и образец для подражания не среди людей среднего возраста, с их точки зрения стариков, а среди людей, более близких им по возрасту.)

Наступил 1894 год, отмеченный в судьбе Колчака несколькими событиями, печальными и знаменательными. После тяжёлой болезни, в возрасте 39 лет, умерла его мать. На престол вступил император Николай II, с которым Колчаку впоследствии довелось несколько раз встречаться. В этом же году Колчак заканчивал Морской корпус.

По завершении занятий гардемаринины должны были отправиться в месячное плавание, а затем сдавать выпускные экзамены.

11 августа корвет «Скобелев» снялся с якоря на кронштадтском рейде. До конца месяца всё шло хорошо. Практика заканчивалась, «Скобелев» повернул обратно в Кронштадт, куда должен был прийти 4 сентября. Но во время этого последнего перехода на Балтике резко испортилась погода. Из-за сильного волнения начались перебои винта. Пришлось прекратить пары и вступить под паруса. Между тем волнение перешло в свирепый шторм. Командир приказал спустить некоторые паруса. Корабль черпал левым бортом. Мачты начинали «хлябать» в своих основаниях. Старые бронзовые пушки грозили сорваться с мест. Командир уже подумывал о том, что придётся срубить мачты и выкинуть за борт пушки. Но было ещё одно обстоятельство, о котором знали только он, командир, старший офицер и механик: на судне «тронулись» котлы и водяные цистерны. С этим ничего поделать было нельзя. Без мачт и с поломанным двигателем судно превратилось бы в игрушку волн.

С большим трудом удалось добраться до Либавы (ныне Лиепая) и там переждать бурю. В Кронштадт пришли 7 сентября. Когда корвет ввели в гавань, на его борт поднялись адмиралы Арсеньев и Мессер — тот самый Мессер, который пять лет тому назад очень красочно приветствовал кадет, явившихся на первую свою морскую практику. Теперь он возглавлял экзаменационную комиссию³⁵.

Самым страшным экзаменом считалось морское дело. И результаты этого экзамена, самого первого, действительно оказались обескураживающими. Глядя на ведомость, можно подумать, что гардемарин впору было не представлять к офицерскому званию, а возвращать назад, в кадеты. Едва ли большинство удовлетворительно ответило на половину поставлен-

ных вопросов. Даже Филиппов отвечал неважно (14 из 22 вопросов). Начальство и сами гардемарины объясняли провал тем, что экзамен был назначен внезапно, сразу по возвращении. И только Колчак не был застигнут врасплох. Единственный из всей роты, он ответил на все 15 заданных вопросов.

На следующих экзаменах гардемарины выглядели гораздо лучше. По машинному, штурманскому делу и по артиллерии Колчак также ответил на все вопросы, но на этот раз он не был единственным. А на экзамене по минному делу Колчак удовлетворительно ответил только на четыре из шести заданных вопросов. Теперь кое-кто отвечал и получше³⁶. Так бывает, что дело, которое впоследствии становится для человека его коньком, предметом гордости, поначалу не очень даётся.

После экзаменов был составлен, в порядке убывающей успеваемости, список выпускников 1894 года. Первым в выпуске должен был быть Колчак, но он, как говорят, протестовал, считая, что это место принадлежит Филиппову³⁷. Успехи в учении у того и другого были примерно одинаковы, но у Филиппова хуже обстояло с поведением. Колчак, видимо, возмутился тем, что данные из кондуктного журнала определяют место в выпуске. В итоге Колчак в списке оказался после Филиппова. Как утешение, он получил премию адмирала П. И. Рикорда — одну из денежных премий, вручавшихся нескольким лучшим выпускникам³⁸.

К выпуску 1894 года был причислен и великий князь Алексей Михайлович, курса фактически не закончивший. Тем же приказом от 15 сентября 1894 года, коим выпущенные гардемарины были произведены в мичманы, он тоже получил чин мичмана и занял место во главе списка. Филиппов стал вторым, а Колчак третьим. В таком виде этот список перепечатан из сборника приказов по флоту в книге Н. Коргуева³⁹.

Алексей Михайлович умер в Сан-Ремо от туберкулёза в феврале следующего года в возрасте 20 лет. Остаётся неясным, чьё имя попало на мраморную доску в Морском корпусе. Филиппов в своих послужных списках писал, что именно его имя было запечатлено золотыми буквами. А Колчак говорил, что он вышел вторым. Великого князя они, видимо, считали просто «причисленным».

* * *

В конце 1894 года мичманы Колчак и Филиппов были зачислены в Петербургский 7-й флотский экипаж. Потом Филиппова назначили на крейсер «Дмитрий Донской», который

отправился в Тихий океан. В 1898 году Филиппов получил чин лейтенанта, а по возвращении из заграничного плавания вышел в запас и женился. В 1904 году, в связи с началом Русско-японской войны, его призвали из запаса и зачислили в 18-й флотский экипаж. В военных действиях он не участвовал и вскоре по окончании войны вышел в отставку⁴⁰. Справочник «Весь Петербург» на 1909 год (с. 822) указывает, что отставной лейтенант Д. Д. Филиппов имел жительство на Екатерининском канале и работал инженером на Балтийском судостроительном и механическом заводе.

А. В. Колчак в марте 1895 года был назначен для занятий штурманским делом в Кронштадтскую морскую обсерваторию, а через месяц его определили вахтенным офицером на только что построенный броненосный крейсер «Рюрик»⁴¹. 5 мая 1895 года крейсер вышел из Кронштадта в заграничное плавание.

Путь через южные моря от Кронштадта до Владивостока тогда совершался примерно за полгода. Это значит, что «Рюрик» пришёл во Владивосток в самую хорошую пору, когда прекращаются летние проливные дожди и устанавливается прозрачная и тихая дальневосточная осень. И когда крейсер преодолел извилистый и трудный вход, открылся вид на просторную бухту Золотой Рог, способную вместить огромный флот, и на молодой город, хаотично раскинувшийся по её берегам. В центре возвышались каменные строения — собор, дом главного командира, дом губернатора, морской клуб, гостиница «Тихий океан», железнодорожный вокзал в русском стиле. Через центр пролегла и единственная в городе мощёная улица — Светланская, названная в честь фрегата «Светлана». Остальная часть города — деревянные дома — была в беспорядке разбросана по холмам и балкам. Окружающие город сопки когда-то покрывал густой строевой лес. Но его давно вырубил. На сопках появились глинистые обрывы и пролегли овраги. По горам вокруг бухты опытный глаз военного различал крепостные форты. Укреплён был и остров Русский, запиравший вход в бухту.

Зимой, когда бухта начинала покрываться льдом, Тихоокеанской эскадре приходилось отходить на юг. По соглашению с японским правительством она зимовала либо в Нагасаки, либо в каком-то другом японском порту. В те годы русские военные корабли так часто посещали Японию, что трудно сказать точно, когда впервые Колчак увидел эту страну. Может быть, ещё по пути во Владивосток предстала перед ним Япония эпохи Мэйдзи, открытая уже для европейцев, но во многом ещё старая, патриархальная (все в ки-

моно), не техницизированная, как сейчас, очаровательно гостеприимная, с гейшами, назначение которых для грубых европейцев так и осталось не вполне понятным, с пёстрыми знамёнами, развевающимися у каждой лавки и балагана и зазывающими туда, как в рай земной, с мягкими очертаниями гор и прихотливыми изгибами бухт, с уникальным соединением двух религий — буддизма и шинтоизма. Уже тогда Колчак заинтересовался философией буддизма, разделившегося на множество направлений, от созерцательных до откровенно воинственных. Он даже попытался изучить китайский язык, чтобы читать в подлиннике буддийские тексты. Побывал в городке Камакура (недалеко от Токио), где находится огромная статуя Будды в позе «тихого созерцания»⁴². Япония одновременно и привлекала, и отталкивала Колчака. Кажется, до конца своих дней он не смог решить для себя «японскую загадку».

Во Владивостоке или Нагасаки Колчак познакомился с Дмитрием Ненюковым и Георгием Дукельским, лейтенантами с крейсера «Память Азова». Ненюков (впоследствии адмирал) вспоминал о Колчаке: «Он уже и тогда обращал на себя внимание своими познаниями в морском деле и порывистостью своего характера. Он чрезвычайно интересовался военно-морской историей и знал все морские сражения, как свои пять пальцев. Его в шутку называли мичманом Нельсоном...»⁴³ Знакомство с Дукельским переросло в дружбу. Уроженец Тифлиса, Дукельский был старше Колчака на четыре года. Как и Колчак, он был вторым в своём выпуске. Как и Колчак, интересовался морской историей, и его, по словам того же Ненюкова, называли «маленьким Фарагутом»*. (Маленьким, как видно, за невысокий рост.)

Эскадра совершала длительные плавания в Японском и Жёлтом морях. Колчак заинтересовался гидрологией этих морей, главными течениями, свирепыми дальневосточными тайфунами. Изучил двухтомный труд адмирала С. О. Макарова «Витязь и Тихий океан». Но кроме этой книги и нескольких лоций не обнаружил ничего. «Я убедился, что сведения о природе этих морей крайне недостаточны даже для целей навигации, не говоря уже про массу возникавших вопросов более теоретического характера», — отмечал он в набросках воспоминаний, написанных в 1903 году, во время второй арктической экспедиции⁴⁴.

* *Дэвид Фарагут* (1801—1870) — национальный герой США, адмирал, во время гражданской войны 1861—1865 гг. разгромил флотилию южан на реке Миссисипи.

Постепенно Колчак расширил область своих интересов, перечитав всю доступную ему литературу по гидрологии Тихого океана. Особенно заинтересовала его северная часть океана — Берингово и Охотское моря. А в перспективе он думал об исследовании южных полярных морей, как бы «заброшенных» русскими мореплавателями после знаменитой экспедиции Ф. Ф. Беллинсгаузена и М. П. Лазарева, а также о рывке к Южному полюсу. Эта неосуществлённая мечта не покидала его всю жизнь. О ней он упомянул и в арктической записке, и во время допроса⁴⁵.

Молодой офицер начал делать собственные наблюдения над морскими течениями, хотя этому мало способствовала обстановка военного корабля, да ещё флагманского, на котором находился командующий эскадрой адмирал Е. И. Алексеев.

Дальневосточная эскадра при Алексееве имела грозный, внушительный вид, но в действительности приближалась к грани развала. Корабли подолгу не ремонтировались, многие офицеры находились в дальних морях уже по пять-шесть лет и страшно устали, некоторые командиры кораблей отличались явной некомпетентностью, а младшие флагманы (командующие соединениями) привыкли к тому, что адмирал решает всё сам и с них ничего не спрашивает⁴⁶.

В 1897 году Колчак подал рапорт с просьбой перевести его на канонерскую лодку «Кореец», которая отправлялась к Командорским островам для охраны промыслов. Он полагал, что там он сможет вплотную заняться исследовательской работой. Но начальство рассудило иначе.

В составе эскадры числился старый парусный клипер «Крейсер» с одним двигателем. Из-за своей тихоходности он уже не мог ходить с эскадрой. А потому было решено превратить его в учебное судно для подготовки боцманов и унтер-офицеров. Со всей эскадры было собрано сто самых лучших и грамотных матросов. На «Крейсере» их разделили на четыре вахты, и офицер, назначенный в каждую из них, должен был вести занятия по морскому делу, проводить артиллерийские стрельбы и минные учения. Одним из этих офицеров стал Александр Колчак. Другим — Алексей Геркен, его товарищ по корпусу, одиннадцатый в выпуске, если считать с хвоста (всего же в выпуске было 62 человека).

В воспоминаниях командира «Крейсера» Г. Ф. Цывинского можно найти самый высокий отзыв о Колчаке, во многом совпадающий с приведёнными словами Ненюкова. «Это был, — писал Цывинский, — необычайно способный, знающий и талантливый офицер, обладал редкой памятью,

владел прекрасно тремя европейскими языками, знал хорошо лоции всех морей, знал историю всех почти европейских флотов и морских сражений»⁴⁷. Цывинский, однако, не пишет, почему такой перспективный, полезный для флота офицер на его корабле занимался обучением боцманов и унтер-офицеров. Впрочем, не от капитана это зависело. Кого прислали, тот и учил. Прислали бы Спинозу, учил бы Спиноза.

Местом якорной стоянки для «Крейсера» был избран корейский порт Генсан (современный Вонсан). В этом глухом городке Алексей Геркен сразу же заскучал: ни отелей, ни ресторанов, ни театров. Европейцев на берегу всего трое — и то один из них русский, неотёсанный сибиряк, а другой, француз-миссионер, надолго уходил в глубь страны для проповеди. И лишь третий, датчанин, женатый на китайке и служивший в корейской таможене, охотно приходил на корабль и приглашал к себе в гости.

По климату Генсан во многом напоминал Владивосток: те же ежедневные летние дожди и жара. В бухте, как в бане, нечем дышать. Лишь выйдя в открытое море, можно было вздохнуть полной грудью. Такие выходы Колчак использовал для продолжения своих гидрологических исследований — хотя бы урывками, не в ущерб занятиям с будущими боцманами.

В сентябре уползли туманы и наступила осень, совсем как в Крыму: созрел виноград, появились груши, арбузы и дыни. Но в октябре закончился учебный сезон и корабль пошёл во Владивосток сдавать воспитанников. Капитан Цывинский, как и Геркен, был недоволен Генсаном. Большой любитель светских развлечений, он постарался сделать так, чтобы «Крейсер» больше не возвращался в этот порт.

Зиму 1897/98 года «Крейсер» вместе с эскадрой провёл в Нагасаки. Там же стояли два английских крейсера. Их командиры вели себя по-джентльменски, играли с русскими офицерами в кегли в «Боулинг-клубе», но все знали, что крейсера присланы для наблюдения за русской эскадрой.

Начинался новый раунд борьбы за раздел сфер влияния в Китае. Западные страны и Япония старались захватить стратегически важные пункты на побережье Китая. Одним из таких пунктов был Порт-Артур.

До середины 80-х годов мало кто знал рыбацкое поселение Люйшунь на берегу Жёлтого моря. Китайское правительство обратило внимание на стратегическое значение этого пункта и приступило к строительству морской крепости, которая должна была прикрывать побережье Маньчжу-

рии и Пекин от неприятельского десанта. Строительство вели британские инженеры. Они и дали новому городу европейское название — Порт-Артур. Китайцы продолжали именовать его по-своему.

Порт-Артур был надёжно защищён со стороны моря. Не только мелкие неприятельские суда (миноносцы и канонерские лодки), но и грозные броненосцы не могли безнаказанно подойти к крепости: тяжёлые крупновесные орудия, размещённые в фортах на высоких прибрежных утёсах, стреляли не в защищённый бронёй борт, а в палубу. Правда, береговым батареям не хватало дальности действия. Со стороны суши Порт-Артур был ограждён целым поясом фортов и батарей. Но эта система развёртывалась в спешке и не была достаточно продумана и приспособлена к местности. Большим упущением, в частности, было отсутствие долговременных укреплений на господствующих высотах — горе Высокой и Большом Орлином Гнезде.

В 1894 году вспыхнула война между Китаем и Японией. Военные действия вскоре переместились к Порт-Артуру. Японское командование решило брать крепость с суши, тем более что положение Порт-Артура на оконечности Ляодунского полуострова облегчало его сухопутную блокаду. 24 октября 1894 года началась высадка японских войск на полуострове, километрах в пятидесяти от крепости. Развернувшись, а затем преодолев бездорожье и не очень организованное сопротивление китайских войск, японская армия подошла к Порт-Артуру. С рассветом 20 ноября началась бомбардировка крепости, продолжавшаяся весь день. Утром следующего дня японцы пошли на штурм. Одновременно отряд японских миноносцев прорвался в гавань, произвёл пальбу и переполох и благополучно скрылся. Наступающие колонны действовали не всегда согласованно, однако к 4 часам дня, после ряда ожесточённых, но разрозненных схваток, город был взят. Ворвавшиеся в город войска обнаружили изуродованные трупы своих товарищей, незадолго до того взятых в плен. Рассвирепев, японские солдаты учинили побоище, не давая пощады никому, кто попадался на пути, даже женщинам и детям.

Победа под Порт-Артуром была не полной, потому что китайский флот заблаговременно ушёл. Правда, один из русских военно-морских экспертов, В. К. Витгефт, считал, что японцы умышленно выпустили из крепости неприятельские корабли, чтобы ослабить её оборону⁴⁸.

Война закончилась в 1895 году поражением Китая. Одним из пунктов унижительного для него договора стала пе-

редача Японии Порт-Артура. Однако дипломатический демарш России, Германии и Франции заставил Японию возвратить эту крепость. Предварительно японцы постарались причинить ей максимальные разрушения.

В 1897 году командующим Тихоокеанской эскадрой был назначен герой Русско-турецкой войны 1877—1878 годов контр-адмирал Ф. В. Дубасов. В морской среде он пользовался большим уважением. Адмирал обладал даром слова, умел говорить с офицерами и матросами, умел пробудить в них живой интерес к тому делу, которое в данный момент считал важным и нужным для Отечества. За это его любили, прощали ему и вспыльчивость, и крутой нрав. Дубасову удалось привести в относительный порядок эскадру, расстроенную при Алексееве. Несколько кораблей было отправлено в ремонт, а офицеров-«долгоплавателей» вернули на Балтику. Взамен были присланы свежие силы⁴⁹.

В том же 1897 году Германия захватила в Китае бухту Киао-Чао (Цзяочжоу). Узнав об этом, Дубасов отправил в Петербург телеграмму, испрашивая разрешение немедленно занять Порт-Артур⁵⁰.

Трудные переговоры о долгосрочной аренде Россией этой крепости велись в Пекине уже не один месяц. Русские дипломаты старались убедить китайское правительство, что это необходимо для защиты Китая от Японии. Усилия дипломатов поддерживало Военное министерство. Однако управляющий Морским министерством адмирал П. П. Тыртов считал, что для зимней стоянки был бы более удобен какой-то порт на корейском берегу, ближе к открытому океану, а Порт-Артур не лучший вариант. Министр финансов С. Ю. Витте доказывал, что занятие Порт-Артура ухудшит отношения с Китаем, а между тем Дальний Восток приходится соединять с Сибирью по его территории (в то время начиналось строительство Китайско-Восточной железной дороги от Читы до Владивостока через Маньчжурию). Поколебавшись, Николай II встал на сторону военных и дипломатов⁵¹.

Тем временем Дубасов, опасавшийся, что Порт-Артур вот-вот захватят англичане, послал телеграмму на «высочайшее» имя — всё с той же просьбой разрешить немедленно занять крепость. Содержание ответа адмирал не сообщил никому. Из эскадры было выделено три корабля, и командир отряда получил запечатанный конверт, вскрыть который должен был по выходе в море. Выделенные для экспедиции корабли стали разводить пары. Был пущен слух, что в Корею беспорядки и русская миссия в Сеуле просит усилить охрану.

Английские крейсера ночью тихо исчезли из гавани. Русский отряд вышел из Нагасаки утром. Через двое суток он подошёл к Порт-Артуру и обнаружил там два английских крейсера, которые загорали фарватер. Дубасов отправил в Петербург телеграмму, требуя, чтобы наша дипломатия заставила англичан уйти. Между тем в английских газетах, издававшихся на Дальнем Востоке, началась шумная кампания против России.

Обстановка разрядилась, когда в Пекине была, наконец, достигнута предварительная договорённость об аренде Россией Порт-Артура сроком на 25 лет, а английский броненосец «Центурион» без всякого предварительного соглашения занял китайский порт Вэйхайвэй. Крейсера ушли на соединение с броненосцем, и Дубасов вывел всю эскадру из Нагасаки в Порт-Артур. 13 марта 1898 года она вошла на артурский рейд, а на следующий день был высажен десант. 15 марта состоялось подписание конвенции между Россией и Китаем об аренде Квантунского полуострова (южная оконечность Ляодунского полуострова) с Порт-Артуром. 16 марта на Золотой горе был поднят русский флаг. В городе тогда проживало 4 тысячи китайцев и около 300 европейцев³².

Дубасов сразу же сделал Порт-Артур главной стоянкой русской эскадры. Между тем крепость находилась в том же полуразрушенном виде, в каком вернули её японцы. Срочно были составлены сметы на многие миллионы рублей, но из Петербурга деньги поступали с большими задержками. Государственная казна была отнюдь не такой бездонной, какой она казалась военным.

«Крейсер» не участвовал в занятии Порт-Артура, но в этом же году ему довелось дважды там побывать. Здешний пейзаж разительно отличался от Нагасаки и даже от Владивостока. До самого горизонта тянулись вереницы голых сопок, на которых летнее солнце быстро выжгло всю зелень. Внутренний рейд был мелковат для больших кораблей, поэтому эскадра стояла на внешнем рейде, открытом для всех ветров. Когда ветер дул с берега, на корабли несло тучи песчаной пыли.

С внешнего рейда город не был виден, заслоняемый высокой и обрывистой Золотой горой. На катере или на джонке (лёгкой китайской шлюпке), миновав узкий проход между Золотой горой и Тигровым полуостровом, можно было попасть на внутренний рейд и в порт.

С внутреннего рейда открывалась панорама Порт-Артура, типичного китайского города, в который ещё не успела вторгнуться европейская архитектура. Центральные улицы пестре-

ли китайскими и японскими лавками. А дальше по отлогим склонам гор тянулись узкие улочки, мощённые крупным булыжником и застроенные китайскими фанзами, крытыми черепицей или камышом. Во многих фанзах промасленная бумага или бычий пузырь заменяли оконное стекло.

Российских извозчиков в городе ещё не было. У выхода из порта, в ожидании пассажиров, толпились рикши с лёгкими двухколёсными колясками. Завидев возможного клиента, они с криком его окружали, хватали за руки, тащили каждый в свою сторону. Русские сначала стеснялись ездить на рикшах. Но потом нашлись самые решительные и не стеснительные. За ними потянулись и остальные. Освоившись, стали даже поторапливать рикшу, когда дела заставляли спешить. «Говорят, человек ко всему привыкает», — с сожалением отмечал В. А. Мустафин, судебный чиновник, проживший в Порт-Артуре несколько лет.

Матросов отпускали с кораблей в город только по праздникам. Непременное в таких случаях пьянство нередко переходило в дебош. Офицер, завидев издалика шумную компанию матросов, спешил свернуть в переулок или зайти в какой-нибудь дом: встреча не сулила ничего хорошего. Уже тогда начиналось падение дисциплины на флоте⁵³.

Дубасов выглядел уставшим и похудевшим. Возможно, он понимал, что совершил ошибку, перебазировав сразу чуть ли не всю эскадру в необорудованный и незащищённый порт. Посетив адмирала, командир «Крейсера» принёс радостную весть. Дело в том, что «Крейсер», как и «Рюрик», числился в составе Балтийского флота, а на Дальнем Востоке считался в командировке. Теперь начальство решило, что её срок для «Крейсера» истёк, и осенью настанет время возвращаться в родные воды. 5 ноября «Крейсер» отсалютовал новой «русской твердыне» на Дальнем Востоке и отправился в обратный путь. 6 декабря Колчак и Геркен были произведены в лейтенанты.

На подходе к Шанхаю штурман посадил судно на мель. Когда представился подходящий случай (в Коломбо на Цейлоне), командир списал неудачливого штурмана с корабля и отправил пароходом в Россию. Старшим штурманом был назначен А. Ф. Геркен, а Колчак стал его помощником⁵⁴. Конечно, произошла явная несправедливость. Но трудно было обижаться на товарища по корпусу и по плаванию. Алёша Геркен был славный парень. И не его вина, что он сын адмирала.

В это время Колчак уже во многом иначе, чем прежде, смотрел на военно-морскую службу и на флотские порядки.

Главное, что не устраивало его, заключалось в том, что служба носила характер «чего-то показного, чего-то такого, что не похоже на жизнь». «На таких судах служат, но не живут, а мнение моё, — писал он, — что на судне надо жить, надо так обставить всё дело, чтобы плавание на корабле было бы жизнью, а не одною службою, на которую каждый смотрит, как на нечто преходящее, как на средство, а не как на цель»⁵⁵. Конечно, Колчак вовсе не считал, что на судне надо завести семью и растить детей. Вынужденная холостая жизнь во время плавания, иногда очень долгого, — с этим ничего не поделаешь. Хотя не все выдерживали такую жизнь, и она, по свидетельству многих, в конце концов портила людей. Но Колчак, по-видимому, имел в виду такую жизнь, какую, например, ведёт учёный в экспедициях, которые иногда тоже затягиваются. Но учёный при этом занят сутью дела, а не формальным исполнением обязанностей. Он не подсчитывает с тоской и скукой, сколько ещё дней осталось до возвращения.

Главный недостаток сложившегося на флоте положения Колчак видел в недостаточной подготовке личного состава и «ничтожной практике» плавания на современных боевых кораблях. Учиться в Морском корпусе было очень трудно. И тем не менее по выходе во флот офицер оказывался слабо подготовленным. Этот печальный парадокс получался из двух причин. Во-первых, морская практика кадет и гардемарин проходила на таких старых посудинах, которые давно пора было списывать. Современный боевой корабль, чудо новейшей техники, будущий офицер рисовал лишь в своём воображении. Во-вторых, в подготовке преобладал «бригадный метод», хотя тогда не было такого выражения. Во время практических занятий малоспособные и ленивые прятались за спины своих энергичных и более знающих товарищей. А потом старые моряки рассказывали анекдоты о мичманах, которые на корабле ничего не знают и не умеют, словно не бывали в плавании⁵⁶. Но вступали в действие негласные правила продвижения по службе, и некоторые такие мичманы выходили из-за спины своих товарищей и опережали их.

Колчак вспоминал, что во время плавания в Тихом океане он не раз «подумывал о выходе из военного флота и о службе на коммерческих судах». Но перевесило уважение к военному званию: «Я всегда был военным моряком и военноморское дело ставил на первое место»⁵⁷.

Лучшим выходом из создавшегося положения Колчак считал участие в научной экспедиции. Ещё в плавании он уз-

нал, что в составе русско-шведской экспедиции готовится к уходу на Шпицберген транспорт «Бакан», а ледокол «Ермак» собирается в самостоятельное путешествие в глубь Арктики. Последнее было особенно заманчиво. «Ермак», только что построенный в Англии мощный ледокол, шёл под руководством вице-адмирала С. О. Макарова. Конечно же Колчак знал о его знаменитой лекции «К Северному полюсу напролом», прочитанной в 1897 году в Русском географическом обществе.

Балтийское море встретило «Крейсер» холодом и туманами. Петербургская метеорологическая обсерватория телеграфировала, что кронштадтский рейд закрыт льдом. Пришлось повернуть на Ревель. Осторожно пробираясь между льдинами, «Крейсер» 29 апреля 1899 года вошёл на ревельский рейд⁵⁸. Там Колчак увидел транспорт «Бакан», готовый к отплытию. Выяснилось, что его экипаж уже укомплектован и попасть туда нет возможности⁵⁹.

Вскоре Финский залив очистился от льда, и вечером 5 мая, выкинув длинный вымпел, «Крейсер» подошёл к Кронштадту. Матросы, поднявшись на марсы, прокричали «ура». Но рейд был почти пуст, и мало кто ответил на приветствие вернувшегося из дальнего плавания парусника. Капитану сообщили, что 9 мая он должен быть в Петербурге и стать на Неве у Балтийского завода. Произойдёт спуск на воду крейсера «Громобой», а затем «высочайший» смотр вернувшегося из плавания корабля.

...Под гром салюта обойдя вокруг спущенного на воду «Громобоя», императорский катер подошёл к «Крейсеру». На палубу поднялись Николай II и его многочисленная свита. Великих княгинь и княжон возглавляла вдовствующая императрица Мария Фёдоровна (царствующая императрица Александра Фёдоровна по причине беременности не смогла приехать). Николай II, невысокий и худощавый, терялся среди своей свиты, состоявшей из очень представительных людей во главе с генерал-адмиралом, главным начальником флота и морского ведомства великим князем Алексеем Александровичем, дядей царя, 49-летним красавцем атлетического телосложения. Все важные назначения на флоте производились лично им или по его докладу императором. Управляющий министерством назначал в основном боцманов и мотористов.

Много лет спустя, будучи уже давно в отставке, Витте вспоминал, как однажды, ещё при Александре III, он ожидал прибытия царского поезда. На встречу пришли великие князья и многие сановники. Чинную обстановку ожидания

нарушали два мальчика, которые шалили и бегали между встречавшими. Наконец великий князь Владимир Александрович, выведенный из терпения, схватил одного из проказников за ухо и сказал внушительно: «Я тебе говорю — перестань шалить». Мальчик, которому надрали ухо, был наследником престола. Витте тогда подумалось, как бы впоследствии великому князю не пришлось пожалеть об этом⁶⁰.

Жалеть не пришлось. Когда через 11 лет на престол взошёл Николай II, великие князья ничего не потеряли. Владимир Александрович продолжал командовать войсками гвардии и Петербургского военного округа. Алексей Александрович держал в своих руках флот. Сергей Александрович был московским генерал-губернатором. Влияние их на царя и на ход государственных дел выходило далеко за пределы их должностей. Александр III в своё время назначил на эти должности своих братьев, чтобы с их помощью управлять страной. Теперь, похоже, они управляли страной при помощи своего племянника, которому недавно драли уши. Правда, молодой царь иногда пытался учинить бунт, как, например, после давки на Ходынке. Но в конце концов всё оставалось по-прежнему. За Ходынку пришлось расплачиваться московскому обер-полицмейстеру, уволенному в отставку.

Колчаку удалось разглядеть царя лишь тогда, когда он принимал рапорт командира корабля, а затем обходил фронт офицеров. Осмотрев судно, император зашёл с капитаном в его каюту, а потом удалился, приветствуемый матросами, выстроившимися на реях, и салютом из 31 выстрела. Личному составу был разрешён трёхмесячный отпуск. Плавание закончилось⁶¹.

Колчак посетил адмирала Макарова в день прибытия в Кронштадт, вечером 5 мая. Разговор, видимо, был коротким. 8 мая «Ермак» должен был отправиться в своё первое арктическое плавание. Конечно же ничего уже нельзя было сделать. Офицер не может просто так перейти с судна на судно: необходима санкция министерства, а её за три дня не получишь.

Вместо «Бакана» и «Ермака» Колчак попал на хорошо знакомый ему фрегат «Князь Пожарский», учебное судно Морского корпуса, совсем обветшавшее, не имевшее даже электричества. Это было, писал он, «для меня худшее, что только я мог представить в этом роде»⁶². Все планы рухнули. А в военной педагогике Колчак не видел своего призвания. Он свёл воедино и обработал результаты своих наблюдений над течениями в Японском и Жёлтом морях (статья была опубликована в специальном журнале), а затем бросил заня-

тия по гидрологии, решив, что на военной службе они перспективны.

На «Князе Пожарском» Колчак сблизился с лейтенантом Борисом Стрельманом, окончившим Морской корпус на два года раньше его. У них были примерно одинаковые настроения: бросить всё и уехать. Поискать «типов и ощущений», стать на стезю авантюризма, как откровенно и с иронией впоследствии писал Колчак. Говорили даже о поездке на золотые прииски Клондайка, «не для золота, конечно, а просто чтобы найти обстановку». В конце концов решено было подать прошения о переводе на Тихий океан, выйти там в запас и отправиться вместе, «куда хотели».

Когда закончилось учебное плавание, Стрельман вдруг куда-то исчез, и Колчак его более не видел. (Следы Стрельмана не прослеживаются и по документам: по-видимому, он ушёл из флота.) Оставшись один, Колчак предпринял ещё одну попытку попасть в экспедицию. В Академии наук, как он знал, готовился проект Русской полярной экспедиции, которая должна была пройти из Кронштадта Северным морским путём до Владивостока. Руководителем экспедиции был назначен известный полярный исследователь Э. В. Толль. В сентябре 1899 года Колчак побывал у него, но получил неопределённый ответ.

Колчак не любил неопределённость. Он перешёл на броненосец «Петропавловск», отправлявшийся на Дальний Восток, с тем чтобы в подходящий момент выйти в запас, остаться в неведомой стране и начать там другую жизнь. Как видно, 25-летний Колчак почувствовал тот многократно описанный в русской литературе «синдром Печорина», когда молодой человек ощущает в себе «силы необъятные», но в условиях устоявшейся рутины не может их применить. И тогда возникает желание бросить вызов судьбе.

Правда, служба на новейшем броненосце, всего лишь два года назад вступившем в строй, первое время увлекла молодого офицера. Но вскоре он увидел, что и здесь «есть служба, но нет практики, нет возможности плавать и жить».

Осенью 1899 года в Южной Африке началась Англо-бурская война. Общественное мнение России стало на сторону буров. У всех на устах была песня:

Трансваль, Трансваль, страна моя,
Ты вся горишь в огне...

И Колчак решил принять участие в этой войне — конечно, на стороне буров. «Я думаю, что каждый мужчина, слыша и читая о таком деле, — писал он, — должен был испыты-

вать хотя бы смутное и слабое желание в нём участвовать. Став снова на точку зрения искателя ощущений, я испытывал неодолимое желание идти туда, где работают современные орудия с лиддитовыми и пироксилиновыми снарядами, где происходит на деле всё то, что у нас на броненосце делается лишь “примерно”. Как видно, не только романтическое желание помочь бурам двигало молодым офицером. Как человек военный, он хотел кроме того приобрести опыт современной войны, совершенствоваться в своей профессии.

За несколько дней до Рождества «Петропавловск» пришёл в Пирей. Колчак почему-то не любил Грецию, Пирей — особенно. Очень возмущался, что русские суда всегда там долго стоят.

В Пирее, когда выпадал досуг, он предпочитал сидеть в каюте и обдумывать план своего участия в африканской войне. Однажды в такой момент ему принесли телеграмму, подписанную лейтенантом Ф. А. Матисеном. Колчаку предлагалась должность вахтенного офицера на шхуне «Заря», отправляющейся в Русскую полярную экспедицию. Вне себя от восторга, он тут же дал ответную телеграмму о своём согласии. Впоследствии Колчак писал, что на своё участие в этой экспедиции он смотрел как на подготовку к будущим антарктическим исследованиям⁶³.

Командир корабля Н. Р. Грeve не стал удерживать офицера, но сказал, что броненосец вскоре должен уйти в Порт-Саид.хлопоты о переводе могут затянуться. Поэтому самое лучшее сразу же подать рапорт о выходе в запас. Но всё решилось иначе. Президент Академии наук великий князь Константин Константинович (известный поэт К. Р.) обратился с ходатайством в Морское министерство, и вскоре на корабль пришла телеграмма, предписывающая лейтенанту Колчаку немедленно выехать в Петербург. В первых числах января 1900 года он отправился на пароходе из Пирея в Одессу, а в середине этого же месяца прибыл в столицу⁶⁴.

В его биографии закончилось спокойное течение событий, которое он сам прервал, захотев борьбы и тревог, захотев настоящего дела. Вольно или невольно, случайно или неслучайно события соединялись и развёртывались в первую из четырёх трагедий, составивших его жизнь.